

Глава 90. Интерлюдия: День памяти

Дрейтон был гением во всех смыслах этого слова. Ли Вэй проспал до самого рассвета. Утром он лениво валялся в постели, вертел в пальцах кольцо и цепочку и вовсе не хотел вставать. Физически и по выносливости Дрейтон, возможно, и не превосходил его, но зато обладал поистине железной самодисциплиной. Поэтому, когда Ли Вэй открыл глаза, тот уже успел приготовить простой завтрак.

— Иди есть. Остальное можно обсудить по дороге.

Дрейтон подошёл к кровати, откинул одеяло и стащил с постели Ли Вэя, который как раз редактировал Instagram.

— Что ты делаешь? Ты скрыл предыдущий пост?

— Да, — ответил Ли Вэй. — Ты же вчера сказал, что сейчас не время это обнародовать. На всякий случай я изменил все посты, связанные с тобой, и сделал их видимыми только для близких друзей.

«Ближних друзей» у него был ровно один — Дрейтон. А «все посты» означало, что на аккаунте Ли Вэя публикаций о Дрейтоне было уже больше одной. Проснувшись, первым делом он поднял латунную цепочку и сфотографировал её на фоне окна, выходящего на море. Застёжка кулона находилась ровно в центре кадра, а лазурный фон был ещё и слегка размыт — так что взгляд любого человека сразу падал бы именно на неё.

— Хочу это сохранить, — спросил Ли Вэй. — Если после настройки приватности всё равно есть риск, я не буду выкладывать.

— Всё нормально, выкладывай, — Дрейтон покачал головой. — Делай что хочешь. Если будет опасно, я тебе скажу.

Он сел за стол и поставил лайк на новый пост Ли Вэя, а потом какое-то время просто смотрел на экран телефона.

И для Ли Вэя, и для него самого всё, что произошло вчера днём и вечером, до сих пор казалось совершенно нереальным — мягким, туманным сном, который превзошёл все ожидания. Именно поэтому Дрейтон встал так рано. Сначала он, сам того не осознавая, минут пять или шесть просто смотрел на спящего рядом человека, а потом понял: мир остался тем же самым, но в нём уже изменилось слишком многое.

Год назад в его жизненных планах вовсе не было места для другого человека. Всё шло своим чередом, безукоризненно упорядоченно, как внутренний отчёт Бюро безопасности: аккуратно и пусто. Дрейтон никогда не придавал этому значения. Он двигался по дороге, которая, как уверяли, ведёт к блестящему будущему, как робот на конвейере. А чужая счастливая, мелочная, бытовая жизнь напоминала далёкую бурю где-то на горизонте, не заслуживающую даже беглого взгляда.

Пока не появился Ли Вэй и впервые не заставил его, ворочаясь ночью без сна, посмотреть в сторону другой дороги... той, на которую он раньше вообще не обращал внимания. И когда Дрейтон это осознал, было уже поздно: он успел шагнуть туда, начать осторожно пробовать почву, искать надёжные источники, чтобы переписать собственный маршрут. Разве это не безумие? Буря приближалась. Его жизнь, преследуя один-единственный силуэт, с ревом неслась к высокой скале — одновременно взбираясь и падая.

Но сам он не считал это чем-то особенно безумным. Он так же дисциплинированно позволил себе влюбиться, как когда-то дисциплинированно жил. И теперь всё то, что он прежде только расписывал и обдумывал, постепенно становилось реальностью. Дрейтон остановился, оглянувшись назад — и увидел, как далеко уже зашёл.

— О чём думаешь? — спросил Ли Вэй, разрезая на тарелке жареное яйцо.

— Ни о чём, — ответил Дрейтон. — Просто думаю о том, что люблю тебя. Это ты и так давно знаешь.

— А, — Ли Вэй на мгновение замер с вилкой в руке. — Я тоже тебя люблю. Это ты, в общем-то, тоже должен был давно понять.

После завтрака они быстро собрали вещи и поехали обратно в город. Едва они вернулись, как добропорядочный и преданный помощник Дрейтона, Джеффри Картер, уже вёл на поводке собаку им навстречу и возбуждённо сказал:

— Слава богу, вы всё-таки живыми вернулись!

Ли Вэй повернул голову к Дрейтону: и как же ты объяснил людям наше исчезновение?

Дрейтон даже не моргнул. Парой фраз отослал помощника по делам, передал тело киллера из багажника ответственным лицам, а затем отправился навестить Самира аль-Мактума, который в тот момент содержался на территории федеральной военной базы за рубежом. За один короткий день на него успели совершить три покушения, и его уже буквально терзали между жизнью и смертью. Два из этих покушений, как было известно, организовало ЦРУ.

Ходили слухи, что даже лёжа в реанимации, он всё равно бредил Чёрным песком и каждому врачу или медсестре пересказывал историю о том, как Белый верблюд, ступая по солнечному свету, пришёл его спасти. Похоже, вместо того чтобы открыть глаза и столкнуться с безжалостной реальностью, он предпочёл бы навсегда остаться в том нелепом предсмертном сне.

По больнице из-за этого поползли полусуеверные слухи. Люди начали нервничать, а заодно рассказывали, будто бедуины чудом избежали гибели благодаря божественной защите. Когда-то давно они лишь хотели выжить в пустыне, поэтому и унесли с собой шкуру верблюда. Но со временем даже шкура перестала удовлетворять людскую жадность, и в наказание бог, в последний раз спасши их, отнял свой дар обратно.

Звучало это как сказка с моралью. Однако в действительности Ли Вэй среагировал довольно быстро, поэтому в боевые действия успела втянуться лишь небольшая часть племени. Когда воины пришли в себя, вернулись домой, расспросили вождя и с ужасом обнаружили, что верблюжьей шкуры, которая должна была лежать на прежнем месте, просто не существует.

Потому что она с самого начала была вымышленной ложью, созданной вышестоящими, и потому существовать не могла.

Даже после того, как тень Потустороннего мира и богов ушла, первый вихрь, породивший войну, всё равно остался жить в человеческих сердцах.

А прозвище «Чистильщик» вспыхнуло в пустынных районах и почти сразу же было заглушено властями — вместе со всеми обсуждениями и спорами вокруг него.

Но это уже были не те вещи, на которые Ли Вэй мог как-то повлиять.

Гораздо сильнее его поражала живучесть Самира, который уже третий раз едва не умер и снова выжил. Дрейтон пояснил:

— Мы действительно старались его откачать. Отчасти ради информации, отчасти просто чтобы сделать ЦРУ назло. Но ещё день — и он может уже не дожить. ЦРУ слишком хочет его заткнуть. АЗ, скорее всего, тоже долго не усидит. Как бы там ни было с его характером, уровень у него вполне серьёзный.

Ли Вэй прикинул что-то в уме и спросил:

— После того как вы с АЗ подрались, ваши отношения стали хоть немного лучше?

Лицо Дрейтона мгновенно потемнело:

— Никогда в жизни.

— ...

Потом был перелёт домой, ещё двенадцать часов в дороге. Ли Вэй успел выспаться в домике у моря, поэтому за время полёта помирился с собакой, восстановил их почти отцовско-сыновние отношения и даже сумел научить Тоба командам «сидеть», «дай лапу» и «другую лапу».

Дрейтон же немного подремал, а затем отправил письмо заместителю директора Бюро безопасности — Джуно, который очень его ценил, — и в завуалированной форме поинтересовался, получит ли ЦРУ наконец по заслугам.

Джуно ответил, что урок они, несомненно, получают. Совет национальной безопасности уже прислал официальный ответ, признав, что АЗ и его начальство действительно «умышленно допустили задержку в передаче разведданных». Но Дрейтон пытался навесить на них обвинение в «создании угрозы национальной безопасности», тогда как ЦРУ, наоборот, всеми силами старалось спустить дело на тормозах и размыть сам мотив их действий. Так что обе стороны по-прежнему продолжали грызться.

Тем временем АЗ обвинял Дрейтона в злоупотреблении служебным положением — мол, тот использовал должность, чтобы слать Ли Вэю двусмысленные сообщения, а потом ещё и подрался с ним, прикрываясь формальным предлогом. В изложении АЗ их конфликт был вызван исключительно личной неприязнью.

Дрейтон в ответ заявил, что никакие сообщения — чистая выдумка, никто этого не подтверждал, а АЗ просто слишком сильно попал под действие проклятия и начал видеть соперника в каждом встречном, выстроив у себя в голове целую мелодраму.

Так они и продолжили обмениваться руганью, но уже опосредованно, через Совет безопасности. Более того, в тот же день на одной из полос политической газеты даже появилась маленькая, выдержанная в сухом официальном тоне заметка с заголовком вроде: «Между сотрудником Бюро безопасности и агентом ЦРУ возник спор по поводу ответственности за конфликт».

Невидимый участник всей этой истории Ли Вэй читал это с искренним удовольствием.

В конце концов, на нём было проклятие. Какие к нему вообще могут быть претензии?

Время летело. Самолёт едва успел приземлиться, а в городе N уже официально начался март нового года, и воздух заметно потеплел.

После возвращения в Федерацию Ли Вэй с Дрейтоном больше ни разу никуда не ходили вместе. Причин было много. Во-первых, Дрейтон был занят. Очень занят. Разбор последствий ближневосточной истории, бесконечные перепалки с ЦРУ, скрытые игры против политических противников, чтобы согласовать для Ли Вэя подходящую должность, расследование киллера, присланного Мицуи Такаси, и ещё совещания, совещания, бесконечные совещания...

Он ложился спать в двенадцать, вставал в шесть-семь утра, по выходным почти не отдыхал и жил как заведённый волчок. Настолько, что время, проведённое в Потустороннем мире, по сравнению с этим вообще можно было считать отпуском.

Чудовищно.

Во-вторых, Ли Вэй был свободен. Очень свободен. Но ему приходилось избегать лишних подозрений. Только потом он узнал, как именно Дрейтон объяснил своему помощнику Джеффри Картеру ту поездку в домик у моря:

— Возле золотой тайной комнаты меня похитил одинокий злой дух. Господин Ларк Ли Вэй спас меня.

Белая верблюдца: ?

Уродливый кот: ?

Чёрная свеча: ?

То есть этот злой дух похитил тебя у нас троих на глазах, да?

Жаль только, что в Бюро безопасности не хватало специалистов, способных говорить с духами, поэтому этот чёрный, жёлтый и вообще подозрительный котелок пришлось молча повесить на Потусторонний мир. А позже Дрейтон как бы между делом упомянул при коллегах, что Ли Вэй спас ему жизнь, но при этом «повёл себя так, что это задело его достоинство», и перед возвращением домой они между собой немного повздорили.

Никто и представить не мог, что на деле он собирается повесить Ли Вэя в должности, чтобы подготовить почву для их отношений.

Главная проблема этой стратегии заключалась в том, стоит ли оно того вообще. Когда люди выстраивают близкие отношения, они нередко мыслят в категориях выгоды и убытков: я столько в него или в неё вложил — окупится ли это? Кто компенсирует мне мои потери? Если его или её положение вырастет, как я потом буду этим человеком управлять? А если он или она меня предаст, я же останусь в чистом минусе?

Дрейтон же вообще не думал в эту сторону. Его действия были, в каком-то смысле, почти неуклюжими. Коллеги у него все были стреляные воробьи и никогда бы не поверили, что человек, умеющий всё просчитывать, станет до такой степени исхитряться ради другого.

Поэтому его противники без труда поверили, будто его союз с Ли Вэем действительно дал трещину.

И уже на следующий день к Ли Вэю явился доверенный человек директора и осторожно

протянул ему оливковую ветвь.

— ...Вы не хотели бы в свободное время помочь нам обучать новых людей — таких, каким когда-то были вы, — тех, у кого есть шанс войти в Потусторонний мир?

Смотрите-ка, уже даже «когда-то» употребил. Как будто Ли Вэй тут сотрудник с десятилетним стажем, хотя речь шла буквально о прошлом годе.

Ли Вэй в этот миг выгуливал собаку. Он посмотрел на незнакомца, преградившего ему дорогу, и спросил:

— Вы хотите, чтобы я стал инструктором?

— Вы же сами понимаете, что у нас дефицит кадров, и нельзя всё время вешать всё только на вас...

Говоря это, доверенное лицо директора опустило взгляд на щенка на поводке, потом на ящик пива и коробку с вещами для вечеринки у Ли Вэя на руках, слегка запнулось, но тут же невозмутимо продолжило:

— И к тому же мы считаем, что вы уже достаточно выросли для того, чтобы собрать собственную команду.

Ли Вэй рассмеялся и нарочно спросил:

— Мне собрать собственную команду? А что тогда будет с Дрейтоном?

Как обычно, он даже не стал добавлять уважительное обращение.

Доверенный человек директора счёл это ещё одним подтверждением, что отношения между ними не ладятся, и сказал:

— Вы спасли ему жизнь, а он всё равно остался недоволен. Уже одно это показывает, почему его в управлении так не любят.

Тоб твякнул и попытался рвануться вперёд. Ли Вэй крепче сжал поводок и без особого тепла сказал:

— Вот как? А я и не знал, что у него плохая репутация.

— Это потому, что вы редко бываете в управлении и мало с кем там сближаетесь, — с улыбкой ответил человек директора. — У Дрейтона множество врагов. Его главная беда в том, что он не умеет быть гибким. В некоторых вопросах он слишком высокомерен и жёсток. Например, упрямо держит всю власть над операциями в Потустороннем мире в своих руках и убеждён, что решать проблему Потустороннего мира нужно не нападением, а мягким воздействием — примерно так же, как когда-то маршал Петен отстаивал строительство линии Мажино...

Это было уже весьма серьёзное сравнение. Дальше он продолжать не стал, а только многозначительно взглянул на Ли Вэя:

— Вы — главный исследователь Потустороннего мира на данный момент. Боги явно благоволят вам, и всё же он по-прежнему держит вас вдали от самого центра принятия решений.

Я просто не хочу работать по графику 997 и сидеть на ваших унылых совещаниях.

Подумал Ли Вэй.

— И что дальше? — спросил он, скрывая вполне искреннее раздражение. — Что вы можете мне предложить?

— Власть. Положение. — Ради того, чтобы его переманить, доверенное лицо директора не поспешило на щедрые обещания. — И людей, которых вы сами будете учить. Они естественным образом станут вашей опорой.

* * *

— Это даже избавило меня от лишней возни, — сказал Дрейтон, выслушав пересказ Ли Вэя, и задумался. — Я и сам давно хотел выстроить систему подготовки внешних оперативников, которые могли бы системно проводить спасательные операции в относительно безопасных районах. Просто у меня никак не доходили руки. Если ты будешь для них фильтром, мне не придётся переживать, что всё превратится в совсем уж кустарный цирк.

На часах была полночь.

После работы Дрейтон связался с Ли Вэем по сообщениям, они обменялись условными знаками и теперь тайком встречались у него в квартире. Хорошо ещё, что жили рядом. Иначе этой ночью Дрейтону можно было бы и не мечтать о сне.

Ли Вэй лениво поддувал в праздничный язычок и спросил:

— Когда ты наконец разгребёшься?

— У тебя что-то случилось? — Дрейтон быстро прокрутил в голове расписание. — Я могу выкроить полдня... или даже целый день.

— Ничего серьёзного, — ответил Ли Вэй. — Через пару дней будет годовщина смерти моей матери. Я хочу отвести тебя к ней.

Дрейтон: «...??!!»

<http://bllate.org/book/17014/1725161>